

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX — НАЧАЛА XX в.

В.Н. Шайдуров

Статья посвящена вопросам формирования и развития польской общины в Западной Сибири в XIX — начале XX в. Особо говорится об источниках формирования общины в регионе. Представлены данные о численности, размещении, хозяйственных занятиях поляков в Сибири, приведены различные факты из их жизни.

Польская община, Западная Сибирь, численность населения, экономика, хозяйственные занятия.

В отечественной исторической науке на протяжении длительного времени отмечается устойчивый интерес к формированию полиэтничного сибирского социума. История формирования и экономическая, социально-политическая деятельность отдельных национальных общин рассматривались в работах историков различных направлений. Однако полного отражения в научной литературе общины Сибири до сих пор не получили.

Сибирская полония имеет достаточно длительную историю. Историография по этому направлению формировалась в том же русле, что и изучение прочих национальных общностей Сибири (немцев, евреев, эстонцев и пр.). Лишь в 1970-е гг. стало возможно рассматривать полонию не только как результат царской ссылки, но как более многогранное явление. В это время появились выполненные на основе различных источников работы на русском и польском языках [Шостакович, 1974; Lukawski, 1978]. В середине 1990-х гг. исследователи смогли обратиться к различным аспектам формирования и развития польской диаспоры в сибирском регионе [Масярж, 1995; Скубневский, 1998]. Начало 2000-х гг. ознаменовано новыми исследованиями, которые закрывали «белые пятна» в историческом прошлом поляков Сибири. Но историографической особенностью по-прежнему является преобладающий интерес исследователей к польской ссылке, религиозной жизни, общественно-политической деятельности польского населения [Skubniewski, 2005; Никулина, 2005; Ключева, 2006; Шайдуров, 2008; Кальмина, 2009; Нам, 2009; Скубневский, 2009; Сливовская, 2010] при крайне незначительном внимании к роли польской общности в экономической жизни сибирского региона в XIX — начале XX в. [Скубневский, 2001, 2008; Качинская, 2002; Масярж, 2002; Карих, 2004; Шайдуров, 2005, 2009; Островский, 2010]. Большое внимание на рубеже XX–XXI вв. уделяется публикации документальных источников [Из истории земли Томской..., 1998; Кутилова и др., 1999; Воспоминания из Сибири..., 2009]. Некоторые из источников, например воспоминания польских ссыльных, снабжены подробными научными комментариями, которые позволяют лучше понять минувшую эпоху.

В нашей статье мы определим основные этапы формирования полонии Западной Сибири, выделим их специфику, проанализируем эволюцию хозяйственной деятельности ее представителей в XIX — начале XX в.

Первые поляки появились в сибирских городах в XVII в. Преимущественно это были военнопленные эпохи русско-польских войн. По условиям Деулинского перемирия 1619 г. и Андрусовского мира 1667 г. (Московские трактаты 1667 и 1672 гг.) между Россией и Речью Посполитой производился обмен военнопленными и возвращение поляков на Родину [ПСЗ РИ-I, т. 1, № 398]. Это привело к тому, что полония в Сибири к началу следующего столетия практически исчезла.

В конце XVIII — середине XIX в. рост численности поляков в регионе был связан в первую очередь с ссылкой участников освободительного движения. Этот период может быть разделен на несколько этапов.

Первый этап пришелся на середину 90-х гг. XVIII в.: именно в это время часть польских конфедератов были сосланы в Сибирь и оказались в Нерчинских заводах. Так, например, декабрист Н.И. Лорер в своих воспоминаниях писал о генерале С.Р. Лепарском, который в 1791 г.,

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

будучи поручиком, сопровождал польских арестантов. Он так хорошо исполнил это поручение, что имя его с того времени сделалось известным по всей армии [Лорер, 1988, с. 406–407]. Уже в первый месяц царствования Павла I была начата амнистия, означенная именным указом от 29 ноября 1796 г., согласно которому предписывалось освободить всех попавших под «наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств» [ПСЗ РИ-I, т. 24, № 17585]. Ответственность за исполнение монаршей воли возложили на Сенат, который, в свою очередь, должен был сделать соответствующие распоряжения губернаторам и земским начальникам. Однако, как показала практика, не все бывшие конфедераты получили возможность вернуться на прежнее место жительства или покинуть Россию. Иногда требовалось вмешательство из Петербурга. Так, например, по распоряжению генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина в 1797 г. из сибирской ссылки освободили некоторых участников восстания 1794 г. Правда, некоторых из них, в том числе Иосифа Терясевича, тобольские власти разыскивали по всей губернии [ГУТО ГАТ, ф. 329, оп. 13, д. 14]. О жизни бывших конфедератов в сибирской ссылке сведений не сохранилось. По всей вероятности, непродолжительность пребывания в Тобольской губернии не позволила им заняться какой-то деятельностью.

На 1830-е гг. пришелся новый приток поляков в Сибирь. Как и прежде, он был связан с насильственным переселением, но теперь уже участников Польской войны 1830–1831 гг. и членов различных тайных обществ, действовавших на территории Царства Польского после его подавления, например «Содружества польского народа» [Шостакович, 2009, с. 304].

Именно в это время формируется законодательная база для политической ссылки. Так, появился ряд документов, определявших дальнейшую судьбу участников восстания 1830–1831 гг. Важнейшими из них были постановление «Об окончательном уничтожении состава бывшей польской армии» от 14 февраля 1832 г., указ «О бунте, происшедшем в трех уездах Виленской губернии, и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению» от 22 марта 1831 г., «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах» от 31 мая 1831 г. Кроме того, на поляков, подвергшихся наказаниям за участие в Ноябрьском восстании и национально-освободительном движении 1840–1850-х гг., распространялись правила 1826 г., которые были переработаны и дополнены в декабре 1834 г. Означенные документы определили дальнейшую судьбу поляков-военнопленных: их надлежало отправить в военную службу в Сибирские линейные батальоны, а мальчиков определить в военные кантонисты [ПСЗ РИ-II, т. 6, № 4444].

На время плена и следования к месту службы военнопленные обеспечивались казенным денежным и продовольственным обеспечением, размер которого зависел от воинского звания до событий 1830 г. Вполне очевидно, что такое решение преследовало исключительно прагматическую цель — поставить в удаленные сибирские и кавказские гарнизоны солдат, физически способных нести тяжелую службу в суровых климатических условиях [Самович, 2011, с. 163]. В 1839 г. денежное довольствие ссыльных на этапе составляло 6 грошей в день. В условиях сибирской дешевизны на продукты питания это позволяло не голодать. Так, этапу конарщиков 1839 г. в количестве 8 чел. получаемых денег хватало на то, чтобы каждый получал «с утра кружку молока с булкой, на обед — борщ или суп с крупой и с мясом, приготовленный в таком количестве, что хватало и на ужин» [Ручинский, 2009, с. 337].

Уже к концу 1830-х гг. поляки оказались рассеяны по всей Сибири. Среди них были не только ссыльные, но и те, кто перебрался за Урал по долгу службы, — пока еще немногочисленные военные. Немало ссыльных находилось в Тобольске [Ручинский, 2009, с. 330]. Здесь же присутствовали и чиновники-поляки. Ссыльный Ю. Ручинский в своих мемуарах, например, упоминает чиновников особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири князе П.Д. Горчакове Кузьминского и неизвестного А.Ф. Козелло-Поклевского (Поклевского-Козелл), о котором мы скажем далее (в тексте он упоминается как Кожелло-Пахлевский). Последний с 1834 г. занимал различные должности в Томском губернском правлении, а с 1836 г. состоял в штате генерал-губернатора Западной Сибири. Поляки были среди офицеров сибирского этапа, лавочников, ремесленников. Сосланные в Восточную Сибирь оказались в Нерчинских заводах и служили солдатами в местном батальоне и инвалидной роте, некоторые были определены в торговые работы. «Разнородная среда польских ссыльных определила их дальнейшую судьбу. Так, некоторые переженились на местных девушках и навсегда стали сибиряками; других нужда заставила пойти в батраки к крестьянам; немногочисленным ремесленникам было легче, т.к. их продукция находила сбыт на местном рынке» [Ручинский, 2009, с. 385]. Это замечание совре-

менника свидетельствует о трансформации национальной идентичности: некоторые ссыльные предпочли влиться в сибирский социум, приняв нормы и законы его существования. Но в то же время часть польских ссыльных не оставляли надежды вернуться на Родину, а потому стремились сохранить отдельные элементы национальной и религиозной польской жизни.

Делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), позволяет определить динамику численности польского населения в 50–60-е гг. XIX в. по общему количеству католиков в крае¹. Так, по данным Второго Сибирского комитета, на 1852 г. в городах Западной и Восточной Сибири (без Тобольска) проживало около 6250 католиков, которые имели 2 приходские церкви в Иркутске и Томске. При этом самая крупная католическая община была приписана к томскому приходу (2,4 тыс. чел.) [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 44, л. 1]. Разумеется, это приблизительные сведения, включающие в себя как ссыльных, так и свободное население.

Вторая половина XIX в. характеризуется некоторыми изменениями в составе сибирской колонии. С одной стороны, она по-прежнему пополнялась ссыльными и поселенцами, например после 1863 г. С другой стороны, в это время в Сибирь в рамках государственных переселенческих кампаний отправлялись из польских губерний крестьяне.

К 1860-м гг. уже была частично создана основная правовая база для политической ссылки. основополагающими законодательными актами являлись «Устав о ссыльных» 1822 г., «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и ряд других законов, большая часть из которых объединялась в «Свод законов уголовных». Был создан также ряд специальных правил и инструкций, регулировавших прежде всего условия препровождения, размещения и материального обеспечения ссыльных, правила их поведения, отдельные обязанности и права, а также взаимоотношения с административно-полицейскими учреждениями, ведавшими и управлявшими ссылкой. Эти законы затрагивали преимущественно уголовную ссылку.

С началом репрессий против участников Январского восстания выяснилось, что эти правила трудноприменимы в новой ситуации. Никогда прежде политическая ссылка не носила такой массовой характер. За участие в восстании 1863–1864 гг. были высланы представители всех существовавших в то время сословий, различного имущественного положения, возраста и даже гражданства. История дореволюционной России не знает другого примера столь масштабной административной и судебной ссылки за политические преступления. В связи с этим появилась необходимость в выработке законов и подзаконных актов, регулирующих судопроизводство, виды наказаний и места водворения, а также правила надзора за бывшими повстанцами. Для детальной регламентации ссылки предполагалось создать целый комплекс нормативно-правовых актов.

Так, 5 марта 1864 г. появилось положение Западного Комитета «о порядке водворения в Империи лиц, высланных из Царства Польского и Западного края, за прикосновенность к мятежу». Уже в документах этого времени определялось, что причастные к восстанию являются «польскими переселенцами» [РГИА, ф. 1263, оп. 3, д. 77, л. 1]. Ответственным за переселение поляков в Сибирь стал министр внутренних дел П.А. Валуев.

В середине октября 1865 г. в Комитет министров была внесена записка «О выдаче пособий отправляемым в Сибирь на водворение польским переселенцам», в которой указывалось, что водворение переселенцев необходимо производить на основании правил, установленных для государственных крестьян, переселявшихся из малоземельных в многоземельные губернии с предоставлением им тех же льгот и пособий. В записке, в частности, приведены данные о масштабах кампании: «из числа лиц, присужденных к содержанию в арестантских ротах гражданского ведомства за участие в польском мятеже — 77 человек уже отправлено в Сибирь для водворения на казенных землях и 6230 человек содержится еще в арестантских ротах» [Там же, л. 5–5 об.]. Основные положения документа в конце 1865 — начале 1866 г. были согласованы МВД, МГИ и МФ, и уже 22 февраля 1866 г. Комитет министров утвердил записку «О выдаче пособий...», придав ей силу закона [Там же, л. 25]. Таким образом, польские переселенцы могли рассчитывать на получение денежного довольствия во время следования в Сибирь и по водворении на новом месте жительства. Для руководства переселением был назначен заведующий делами по их водворению барон Фелькерзам, имевший резиденцию в с. Спасском Каинского округа Томской губернии.

¹ Поляки составляли среди католиков Сибири от 70 до 80 %.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

К сожалению, до 1897 г. в России не проводилось полномасштабных переписей населения, поэтому нам приходится восстанавливать картину по отрывочным данным, в том числе по одnodневым переписям и статистическим материалам «памятных книжек». Так, на 1869 г. в Томской губернии проживало 6516 католиков (поляки составляли около 5,2 тыс. чел.) [ПК ТГ², 1871, с. 57].

Восстановить примерную численность поляков в Западной Сибири возможно и по церковным документам. Так, из рапорта от 12 декабря 1872 г. Томского курата Архиепископу Могилевскому Митрополиту всех римско-католических церквей Антонию Фиалковскому следует, что уже только «в Томском приходе находится католиков приблизительно около 6,5 тыс. В том числе мужского пола около 5550, женщин до 950. Проживающих в Томской губернии 5405 мужского пола, 945 женского пола, в Семипалатинской области 145 мужского пола, 5 женского пола» [РГИА, ф. 826, оп. 3, д. 76, л. 26]. При этом в тексте своего донесения курат указывал на то, что католики его прихода — поляки. По всей видимости, курат обладал неполными данными о своей пастве. «Статистический обзор Томской губернии за 1872 год» содержит иные данные, согласно которым католическое население в губернии составляло 7323 чел. [СО ТГ, 1872, с. 9].

Городские одnodневные переписи 1870–1880-х гг. позволяют определить численность поляков в крупных городах. Так, по данным И.Я. Словцова, на 1877 г. в г. Омске проживало 656 поляков обоих полов, при этом 97 % были католиками, но встречались среди них православные (13 чел.) и даже протестанты (4 чел.) ([1880, табл. 4], подсчет наш). В 1881 г. была проведена одnodневная перепись населения г. Тобольска, которая показала, что в нем проживает поляков обоих полов 521 чел. ([ПК ТобГ³, 1884, ведомость VII], подсчет наш).

История формирования этнических общин в регионе, дальнейшее расселение поляков в городах и сельской местности оказали заметное влияние на их хозяйственные занятия. В частности, это выразилось в выборе экономических «ниш», которые позволяли полякам, с одной стороны, сохранять этническое единство, с другой — интегрироваться в сибирский социум, который на рубеже XIX–XX вв. начинает развиваться достаточно динамично.

Рассмотрим структуру хозяйственной занятости представителей польской общины в середине 1880-х гг. Для этого используем сводные данные по Тобольской губернии. В дальнейшем сопоставим их с данными переписи 1897 г., чтобы выявить наличие или отсутствие преемственности.

Об источниках доходов польских поселенцев в Тобольске наглядно говорит одна из ведомостей одnodневной переписи 1881 г., данные которой приведены в табл.

Занятость поляков по сословиям и роду деятельности, чел.*

Сословие	Собственные средства	Иждивение	Промышленность	Торговля	Ремесло	Транспорт	Прочее	Всего
Мещане	2	62	3	2	116	0	17	202
Крестьяне	0	27	0	1	3	0	9	40
Ссылные	5	7	3	26	39	12	75	167

* ПК ТобГ, 1884, ведомость XVII, XVIII.

Из приведенных данных видно, что значительная часть польского населения была занята в промышленно-ремесленной сфере (40 %), крайне незначительная часть мещан, крестьян и ссылных, составлявших тобольскую полонию, жила за счет собственных средств либо была задействована в транспортной сфере (1,7 и 2,9 % соответственно). Наибольшую активность по родам занятий проявляли, как видим, польские мещане и ссылные, тогда как крестьянство было достаточно пассивным в рассматриваемых сферах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в польской среде был достаточно высоким процент иждивенцев из числа политических ссылных и поселенцев, особенно среди мещан и крестьян (около 24,5 %), которые существовали преимущественно за счет средств, присылаемых родственниками. В фонде Тобольского губернского управления сохранилось большое количество запросов мещан и дворян из польских губерний, которые разыскивали своих сосланных близких [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 2, д. 86, 100 и др.].

² ПК ТГ — Памятная книжка Томской губернии.

³ ПК ТобГ — Памятная книжка Тобольской губернии.

Польская община достаточно прочно обосновалась в некоторых сферах, которые стали для нее со временем основными «экономическими нишами». Так, например, среди тобольских ремесленников в 1882 г. поляки составили 10 %, в ямском промысле — 6,5 %, в промышленности — 5,6 %, в торговле — 5,5 % [ПК ТобГ, 1884, ведомость XVII, XVIII].

Нередко оказавшиеся в Сибири поляки вынуждены были заниматься хозяйственной деятельностью. Для одних она становилась источником обогащения, для других — единственным источником дохода.

Одним из наиболее наглядных примеров в первом случае является А.Ф. Поклевский-Козелл (Козелло-Поклевский), который после выхода в отставку обратился к предпринимательству. В 1845 г. он купил выстроенный в Тюмени пароход «Основа» (1838 г.), положивший начало «Пароходству А.Ф. Поклевский-Козелл и К°», а после отмены в регионе откупной системы им были приобретены казенные винокуренные заводы и он стал одним из первых производителей водки в Западной Сибири [Сибирский листок, 1891, № 19]. В дальнейшем в их руках оказались железоделательные заводы, золотые и асбестовые прииски, лесные дачи Урала и Сибири [Скубневский, 2001, с. 143].

Другим примером могут служить многочисленные польские ссыльные, оказавшиеся в регионе после 1863 г. Так, Игнаций Пляпас был известен в Тобольске как один из лучших мастеров резьбы по кости. Первоначально он сбывал свои работы оказавшимся в ссылке богатым полякам, которые поддерживали его заказами, а в дальнейшем, когда значительная часть шляхты вернулась в польские губернии, на крупные суммы реализовывал свои изделия оказавшимся в Тобольске иностранцам. Например, датский консул Мерк купил у него резных изделий из кости более чем на 400 руб. Покупателями были итальянцы, англичане, немцы. Заказы на работы из моржовой кости поступали даже из обеих столиц. О коммерческом успехе свидетельствует тот факт, что И. Пляпасу удалось на выручаемые средства содержать семью умершего брата и скопить около 3 тыс. руб. [Кое-что о ремеслах..., 1891]. И. Пляпас не только возродил в Тобольске костяной промысел, который был поднят на высокий художественный уровень еще пленными шведами во второй трети XVIII в., но и подтолкнул к нему местное русское население.

Подобное распределение по сферам занятий во многом объясняется прошлым членов общин. В тобольской колонии распределение по сословиям было достаточно традиционным: 1/4 составляло дворянство (ссыльные дворяне составляли в Сибири около 1/3 поляков), почти половина поляков относилась к мещанскому сословию (47,4 %), доля крестьянства была меньше — 17,4 % [ПК ТобГ, 1884].

В 1870–1880-е гг. многие вернулись в польские губернии, однако наиболее предприимчивые предпочли остаться на новом месте жительства и продолжали свою деятельность. В значительной степени это объясняется тем, что бывшим ссыльным полякам было разрешено причисляться к купеческим гильдиям, заниматься золотодобычей и другими промыслами. Те же, кто не находился под надзором полиции, допускались в сферу государственной и общественной службы [Герасимов, 1918, с. 13–14]. Подобного рода правовые изменения привели к трансформации структуры занятости в польской общине, что достаточно наглядно продемонстрировали результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

На рубеже XIX–XX вв. начинается качественно новый этап в формировании польской общины Сибири: все большее значение приобретает добровольное переселение. В это время колония формируется за счет двух источников. С одной стороны, это ссыльные и их потомки, а с другой — добровольные переселенцы из числа польских крестьян, военных, врачей, инженеров, которые начинают проникать в Сибирь уже в 1880–1890-е гг.

В адрес губернских властей поступало большое количество прошений польских крестьян, которые не могли успешно вести хозяйство вследствие малоземелья у себя на родине. Некоторые количественные данные о переселенцах из привислинских губерний содержатся в ежегодных «обзорах» сибирских губерний. Так, в 1897 г. в Сибирь проследовало переселенцев 251 чел., из которых 235 добирались самостоятельно. Общий вес этой группы был невысок и составлял всего 0,3 % от общего количества переселенцев [ОТобГ⁴, 1898, с. 90]. В 1898 г. из Седлецкой, Плоцкой и Калишской губерний в Тобольской губернии водворилось 15 крестьян [ОТобГ, 1899, с. 30]. Пик переселенческой активности пришелся на 1899 г., в течение которого в Тобольской

⁴ ОТобГ — Обзор Тобольской губернии.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

губернии обосновалось 70 семей в составе 375 чел. Наибольшее количество переселенцев этой партии были выходцами из Седлецкой и Люблинской губерний: 13 семей (56 чел.) и 42 семьи (234 чел.) [ОТобГ, 1900, с. 39]. Особенностью польской аграрной миграции этого периода являлось преобладание переселенцев, которые следовали в Сибирь по паспортам и без переселенческих свидетельств. Это заставляло сибирских губернаторов время от времени рассматривать и удовлетворять прошения крестьян на переселение [Из истории земли Томской..., 1998, с. 243–244].

В фонде Переселенческого управления Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) сохранились дела о переселенческом движении крестьян из польских губерний в Сибирь. Анализ документов по Люблинской, Седлецкой и иным губерниям позволяет сделать вывод о том, что местные власти не всегда были сторонниками переселения крестьян в Сибирь. В условиях несовершенства переселенческого законодательства комиссары по крестьянским делам имели возможность отказать им в праве на переезд. Так, например, отказ мог последовать в случае, если семья состояла из родителей и малолетних детей. Чиновники заявляли, что такие семьи «не имели взрослых работников» [РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 839, л. 38 об.]. Непременным условием для получения разрешения являлось наличие достаточных денежных средств — крестьяне должны были документально подтвердить свое материальное благосостояние. В случае, если денежных средств не хватало, о переселении и речи быть не могло, однако их наличие также не гарантировало получения разрешительных документов. Например, чиновники Люблинской губернии заявляли, что «каждый хозяин, располагающий имуществом в 500 руб., может при посредстве Крестьянского Поземельного банка приобрести участок вполне доброкачественный в пределах Люблинской губернии и завести на эти деньги необходимый инвентарь», а потому «ходатайство просителей не заслуживает удовлетворения» [Там же, л. 28]. Местные комиссары по крестьянским делам проводили среди желавших уехать в Сибирь «разъяснительную работу», стремясь удержать крестьян от переезда. Многие после подобных бесед отказывались от своих планов и оставались на прежнем месте жительства. Подобная ситуация объяснялась отсутствием достоверной информации о Сибири. К тому же для многих поляков она по-прежнему ассоциировалась с каторгой и ссылкой.

Но миграционный поток из польских губерний постепенно набирал силу. Так, в прошении о разрешении на строительство католической церкви на имя тобольского губернатора коллежский советник А.С. Гриневицкий отмечал, что только «в г. Тара и Тарском уезде проживает до двух тысяч католиков» [Там же, ф. 391, оп. 2, д. 850, л. 4]. В докладной записке от 6 июля 1901 г. статс-секретарю А.Н. Куломзину он писал, что нужно «делать хотя что-нибудь для переселенцев католического вероисповедания, переселившихся из Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний и поселившихся в поселках... Тарского уезда Бутаковской волости и других волостях того же уезда» [Там же, л. 2 об.].

В годы столыпинской аграрной реформы в положительную сторону меняется общее представление об Азиатской России, чему способствовали многочисленные разъяснительные брошюры, издававшиеся губернскими переселенческими управлениями и иными организациями: крестьяне получили более достоверную информацию о местах водворения и условиях переселения, и это способствовало распространению среди польских крестьян миграционных настроений. На рубеже XIX–XX вв. они начинают создавать обособленные поселения. Наиболее известным является п. Белосток. Основанный в Томской губернии в 1899 г., он вскоре становится центром притяжения польских переселенцев. Здесь в начале XX в. открыли римско-католический костел — впоследствии не только религиозный, но и образовательный центр. К 1916 г. в поселке насчитывалось уже 95 крестьянских хозяйств (516 жителей) [Из истории земли Томской..., 1998, с. 245].

Более точно о численности польского населения Сибири можно говорить на основании опубликованных материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Отсутствие в переписном листе графы «национальность» заставляет реконструировать этническую картину по сведениям о родном языке и вероисповедании. По сводным данным переписи, за Уралом полония составляла около 30,5 тыс. чел. [ПВПН РИ⁵, т. 73, 1904, с. 52; т. 74, 1904, с. 64; т. 78, 1905, с. 76; т. 79, 1904, с. 70; т. 81, 1905, с. 50; Патканов, 1912, т. III, с. 434–437], а на территории Западной Сибири проживало 13 274 поляка обоих полов, считавших польский язык родным, из них

⁵ ПВПН РИ — Первая всеобщая перепись населения Российской империи.

5745 — в Тобольской [ПВПН РИ, т. 78, с. 76], 6387 — в Томской губернии [Там же, т. 79, с. 70] и 1142 — в Акмолинской области [Там же, т. 81, с. 50].

Статистические данные показывают весьма низкий уровень урбанизированности польских общин, средний показатель для которых составил около 25 %. Эти данные лишний раз подтверждают факт водворения поляков преимущественно в сельской местности [Патканов, 1911, т. II, с. 2–5, 130–133, 322–325].

В начале XX в. поляки селились на образованных переселенческих участках, которые становятся ареалами сельской колонии. Значительная часть поселений возникает на территории Томской губернии, ставшей центром притяжения польских мигрантов. Это было связано как с общим направлением миграционного потока, так и с бурным сельскохозяйственным и промышленным развитием юга Западной Сибири.

Сводные данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губернии дают возможность реконструировать сферы хозяйственных занятий сельских и городских жителей по национальному признаку. Это позволяет нам определить структуру хозяйственных занятий как внутри этнической группы, так и относительно социума в целом. Так, в конце XIX в. большинство поляков было связано с обработкой земли (43 % семей), различных видов сырья (16 %) и выполнением функций прислуги и поденщиков преимущественно в городах (15 %) [ПВПН РИ, т. 78, с. 156–161]. В этом они были близки, например, к немцам, проживавшим в регионе. В то же время можно выделить сферы, сближавшие поляков и евреев. Таковой была, например, торговля. Некоторые сферы привлекали интерес представителей различных национальных групп. Это, например, изготовление одежды, ремонт и строительство. В целом поляки по-прежнему занимались активно различными ремеслами. Но сокращение удельного веса ремесленников с 40 до 16 % связано не столько с падением престижа ремесленно-промышленной сферы, сколько с перераспределением польского населения по экономическим сферам.

Появление значительной части поляков в сельской местности объясняет рост числа семей, занятых в сельском хозяйстве. Крестьянство стало одной из основных составляющих польской общины региона. Первоначально они выступали в качестве арендаторов казенно-оброчных статей⁶. Чаще всего на территории статей основывались небольшие поселения, а арендный договор оформлялся на одного из наиболее авторитетных членов общины. Иначе невозможно объяснить, например, факт аренды польским переселенцем Огинским в Каинском округе Томской губернии участка в 5401 дес. [Ведомость... по Каинскому округу, 1883, № 40]. Кроме того, встречались случаи аренды земельных участков небольшой площади [Ведомость... по Семилужской волости, 1883, № 42]. Кроме того, в «Томских губернских ведомостях» достаточно часто можно встретить упоминание о польских крестьянах-переселенцах, проживающих в уже существовавших поселениях в различных округах губернии [1883, № 15].

Часть поляков оказались связанными с различными отраслями перерабатывающей промышленности. В это время на всей территории региона наблюдался бурный расцвет маслоделия. В отрасль была вовлечена значительная часть населения и финансовых ресурсов. На территории только Томской губернии, по данным 1911 г., официально функционировало более 1,8 тыс. маслодельных заводов, принадлежавших частным лицам, артелям, торговым домам [Указатель маслодельных заводов..., 1912]. Этот факт свидетельствует о прибыльности отрасли, продукция которой на 80 % экспортировалась в Западную Европу. Поляки открывали свои заводы, которые по объему произведенной продукции уступали, например, еврейским, но вносили свой вклад в развитие отрасли. Так, в Верхне-Омской волости им принадлежало 8 предприятий, которые произвели в 1911 г. более 10 тыс. пуд. сливочного масла (21,3 % общего объема) [Там же, с. 34–35].

Вследствие благоприятных природно-климатических условий и притока переселенцев в начале XX в. одним из основных зернопроизводящих районов Сибири стал Алтай. Это вызвало к жизни развитие мукомольного производства, в котором поляки также приняли активное участие. Так, например, в 1904 г. варшавским помещиком Петром Пель вблизи Барнаула была построена мукомольная мельница [ГААК, ф. 31, оп. 1, д. 181]. Поляки открывали небольшие предприятия не только в городах, но ориентировались и на сельскую местность. При этом они сталкивались в новых условиях с определенными проблемами. Примером предпринимательской ак-

⁶ Казенными оброчными статьями являлись казенные недвижимые имущества (земли), отдаваемые в оброчное с публичных торгов.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

тивности поляков в сельской местности может служить А. Ковальский, переселившийся в 1904 г. на Алтай со своим семейством. Выходец из Могилевского уезда Подольской губернии, он прибыл по приглашению своего друга, который в многочисленных письмах указывал, «что здесь заселенность большая, нуждается в паровых мельницах и мастерских для исправления крестьянских сельскохозяйственных орудий» [Там же, ф. 31, д. 255, л. 8].

До переселения в Сибирь А. Ковальский содержал мельницу в Бессарабской губернии. Основав небольшую мельницу на арендованном участке Локтевского имения, он сразу столкнулся со сложностями. Они проявились в первую очередь в различиях действующего законодательства о промышленных предприятиях, выпускающих продукцию, облагающуюся акцизом. Дело в том, что в Европейской России контроль над использованием паровых двигателей на производстве осуществлялся со стороны фабрично-заводской инспекции. В Сибири в это время она еще отсутствовала, а ее обязанности выполнялись различными органами, в том числе полицией, строительным отделением губернского управления и пр.

В марте 1907 г. переписка между А. Ковальским и томскими чиновниками позволила выявить противоречия, но еще до этого возникла конфликтная ситуация между мелким предпринимателем и представителями полиции, настаивавшими на соблюдении действующего регионального законодательства. При этом представители полиции действовали достаточно жестко, но последовательно. Первоначально они предложили мукомолу представить томскому начальству необходимые для открытия раструсной мельницы документы. Однако А. Ковальский постарался сослаться на законодательство, знакомое ему по прежнему месту жительства, и продолжал незаконно эксплуатировать локомобиль [Там же, ф. 31, д. 255, л. 8, 18]. Несговорчивость поляка привела к тому, что два года спустя с начала разбирательства по распоряжению змеиногорского исправника шелковниковский пристав опечатав локомобиль [Там же, л. 18], таким образом оставив А. Ковальского без работы.

Возникшая ситуация заставила мукомола в сравнительно короткий срок изыскать средства для выполнения в надлежащей форме чертежа мельницы, двигателя, составления всех сопроводительных документов и отправить их в Томск. Это позволило ему получить 30 апреля 1909 г. разрешение на работу мельницы. Повторное открытие раструсной мельницы позволило обеспечить мукой население близлежащих 15 населенных пунктов [Там же, л. 18 об.].

Изучая историю сибирской колонии, в полной мере можно согласиться с высказыванием современника, который указал, что «поляки, водворившись в районе Тобольской губернии, в значительной степени содействовали развитию цивилизации и промышленности в среде ее обывателей. Молодежь, получившая образование в высших или средних учебных заведениях империи, занималась преподаванием наук молодому поколению тоболяков, приготавливая их к поступлению в гимназию, или же поступали на государственную службу; люди же пожилые, преимущественно из среднего сословия, имел торговые или промышленные занятия, открывали магазины галантерейных вещей, устраивали гостиницы, столовые или мелочные лавочки, или же, наконец, занявшись мастерством сапожным, токарным, слесарным или шорным, вполне удовлетворяли потребности местного населения» [ПК ТобГ, 1884, с. 50].

Таким образом, следует говорить о том, что польская община в Сибири в течение XIX — начала XX в. прошла достаточно сложный путь в своем развитии. Значительно изменилось соотношение между источниками ее формирования. Все большее значение приобретало добровольное переселение. Это, в свою очередь, приводило к изменениям в сословной структуре. Одновременно это означало трансформацию места колонии в социально-экономической структуре сибирского региона: государственная служба и каторга были заменены сельскохозяйственными занятиями и предпринимательством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Неопубликованные источники

- ГААК. Ф. 31. Строительное отделение Томского губернского правления.
ГУТО ГАТ. Ф. 152. Тобольское губернское управление; Ф. 329. Тобольское губернское правление.
РГИА. Ф. 391. Переселенческое управление Министерства земледелия; Ф. 826. Канцелярия Митрополита римско-католических церквей в России Министерства внутренних дел; Ф. 1263. Комитет министров (1802–1906 гг.); Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.

Опубликованные источники

- Ведомость* казенно-оборочных статей предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Семилужской волости // Томские губернские ведомости. 1883. № 42.
- Ведомость* казенно-оборочных статей, предназначенных к отдаче в оброчное содержание с начала 1884 года по Каинскому округу // Томские губернские ведомости. 1883. № 40.
- Воспоминания* из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. 724 с.
- Из истории* земли Томской. Сибирский Белосток: Сб. документов и материалов. Томск, 1998.
- Кое-что* о ремеслах в г. Тобольске // Сиб. листок. 1891. № 3.
- Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 296 с.
- Лорер Н.И.* Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988.
- Обзор* Тобольской губернии за 1897 год. Тобольск, 1898.
- Обзор* Тобольской губернии за 1898 год. Тобольск, 1899.
- Обзор* Тобольской губернии за 1899 год. Тобольск, 1900.
- Памятная* книжка Тобольской губернии на 1884 год / Сост. А.И. Дмитриевым-Мамоновым и К.М. Гододниковым. Тобольск, 1884.
- Памятная* книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 73: Енисейская губерния. СПб., 1904.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 74: Забайкальская область. СПб., 1904.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904.
- Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 81: Акмолинская область. СПб., 1905.
- Полное* собрание законов Российской империи. Изд. I. СПб., 1830.
- Полное* собрание законов Российской империи. Изд. II. СПб., 1831.
- Ручинский Ю.* Конарщик // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 325–476.
- Сибирский* листок. Тобольск. 1891. № 19.
- Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск, 1880.
- Статистический* обзор Томской губернии. Томск, 1872.
- Томские* губернские ведомости. 1883. № 15. № 40, 42.
- Указатель* маслодельных заводов по Томской губернии. Составлено на основании данных за 1911 год. Ново-Николаевск, 1912.

Литература

- Герасимов Б.* Ссылные поляки в Семипалатинской области: (Краткий исторический очерк) // Зап. Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Семипалатинск, 1918. Вып. 12. С. 22–24.
- Кальмина Л.В.* Социокультурная характеристика католической общины Верхнеудинска в начале XX в. (по метрическим книгам Верхнеудинского польского католического костела) // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. СПб.; Ольштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. Вып. 1. С. 185–191.
- Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения: XIX — начало XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2004.
- Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914 гг.): Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 225–277.
- Клюева В.П.* Иноземцы в Сибири XVII в.: Стратегии конфессионального предпочтения // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 463–472.
- Масярж В.* Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995.
- Масярж В.* Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX — начале XX века // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: Ладомир, 2002. С. 241–245.
- Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
- Никулина И.Н.* Из истории пребывания поляков на Алтае (60-е гг. XIX в.) // Диаспоры. 2005. № 4. С. 83–99.
- Островский Л.К.* Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80–83.
- Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. II.

О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины...

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1912. Т. III.

Самович А.Л. Проблема польских военнопленных и пути ее решения в 1831 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2011. № 2. Ч. 3. С. 161–164.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1998. С. 170–175.

Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири: Вторая половина XIX — начало XX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. Вып. 3. С. 139–152.

Скубневский В.А. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Восточная Европа и Россия: История, современное состояние и перспективы взаимоотношений. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2008. С. 82–92.

Скубневский В.А. Деятели науки и культуры польского происхождения в Западной Сибири XIX — начала XX в. // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. СПб.; Олштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. Вып. 1. С. 180–185.

Слизовская В. Польская Сибирь — мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1262>.

Шайдуров В.Н. Европейские диаспоры в Западной Сибири: Численность, размещение и хозяйственные занятия (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 г.) // Современное историческое сибиреведение (XVII — начало XX вв.). Барнаул, 2005. С. 105–116.

Шайдуров В.Н. Национальные общины Западной Сибири второй половины XIX — начала XX вв. (по материалам периодической печати) // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 5. № 1. С. 65–72.

Шайдуров В.Н. Польская община Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: Особенности формирования и развития // Изв. АлтГУ. 2009. Т. 3. № 4. С. 253–258.

Шостакович Б.С. Конарщик Юстысьян Ручиньский и его воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 301–324.

Шостакович Б.С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 43 с.

Lukawski Z. Ludność polska w Rosji. 1863–1914. Wrocław, 1978. 278 s.

Skubniewski Walery. Źródła do badań działalności gospodarczej Polaków na Syberii (druga połowa XIX i początek XX w. // Wrocławskie Studia Wschodnia. 9 (2005). Wrocław, 2005.

*Санкт-Петербург,
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»
s-w-n@mail.ru*

The article is devoted to questions of formation and development of a Polish community in West Siberia in XIX — early XX c. Of particular comment being sources of the community's formation in the region. The author presents data on its number, location, and economic activities of the Poles in Siberia, citing different facts from their life.

Polish community, West Siberia, number of population, economy, economic activities.